

Караулов Григорий Эммануилович

**Феодора, владетельница
древней Сугдайи**

Повесть из истории Крыма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Эммануилович К.**
Феодора, владительница древней Сугдайи: Повесть из истории Крыма / Кара-
улов Григорий Эммануилович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 122 с.

ISBN 978-5-519-88327-6

ISBN 978-5-519-88327-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Волшебный край , очей отрада !
Все живо тамъ : холмы , лѣса ,
Янтарь и яхонть винограда ,
Долянь пріютная краса ,
И струй , и тополей прохлада ;
Все чувство путника манить ,
Когда , въ часъ утра безмятежный ,
Въ горахъ дорогою прибрежной ,
Привычный конь его бѣжитъ ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю - дага .

А. Пушкинъ.

Есть уголки земли , гдѣ чувство природы , врожденное болѣе или менѣе всякой душѣ человѣческой , но часто заглушенное въ насъ мелочами повседневной жизни , пробуждается невольно во всей его силѣ , невольно увлекаетъ и очаровываетъ насъ и говорить о красотѣ и безконечномъ величїи дѣлъ творенїя .

Къ такимъ уголкамъ , на безконечномъ протяженїи нашей родной земли , принадлежитъ безспорно южная нагорная часть крымскаго полуострова , или такъ называемый «южный берегъ» , на всемъ протяженїи своемъ омываемый звучными , вѣчно—измѣнчивыми волнами Чернаго моря .

Природа, эта дивная, гармонически - стройная « поэма » Божія, по выраженію Шеллинга, является на южномъ берегу Крыма во всемъ роскошномъ разнообразіи своемъ; на каждомъ шагу она разсыпала здѣсь, вѣроятно, еще въ недавней работѣ своей, чудныя картины. Я говорю въ *недавней работѣ своей*, потому что геологическіе перевороты южнаго берега Крыма и горъ таврическихъ произошли, какъ кажется, въ весьма недавнюю эпоху: эти оторванные отъ горъ громадные камни, цѣлыя скалы, сброшенные въ море, или разбросанныя по берегу — все это слѣды страшныхъ и очень недавнихъ землетрясеній и переворотовъ. Предположеніе это подтверждается и свидѣтельствами историческими. Такъ византійскій историкъ Кедринъ (Georg. Cedrini Gistoriar. Compendium) подъ 1341 годомъ упоминаетъ, что въ это время «Византія подвержена была страшному и долговременному землетрясенію, которое достигало до самаго Крыма; въ то же время случился тамъ необыкновенный потопъ, при коемъ свирѣпствующее море выступило изъ береговъ своихъ и причинило вредъ неописанный.»

Вслѣдствіе этой-то вѣковой работы природы, горы крымскіе отличаются своими до крайности разнообразными формами, какъ бы умышленно выдѣланными рукою человѣка.

Горная цѣпь тянется по всему побережью, мѣстами украшенная темною зеленью лѣса, мѣстами дикая и каменистая. Горы или спускаются обрывисто къ морскому берегу, образуя сплошныя неприступныя стѣны, или выступаютъ въ море длинными каменными утесами самыхъ странныхъ, самыхъ прихотливыхъ очертаній; или наконецъ стоятъ отдѣльными грядами неподалеку отъ берега и угрюмо смотрятся въ море, далеко отбрасывая длинныя черныя тѣни свои.

Между горъ и глубокихъ ущелій, густо покрытыхъ лѣсомъ, часто подъ самыми страшными скалами, подъ неприступными, нависшими утесами лѣплятся татарскія деревеньки, всегда расположенныя амфитеатромъ и чрезвычайно картинно; лѣсистыя долины съ веселыми, ярко украшенными зеленью, полянами и вѣющій прохлагою нагорный потокъ, прокладывающій себѣ дорогу между скалъ, отовсюду открывающійся видъ на безбрежную морскую пустыню, то бурную, то спокойно-игривую, вездѣ взаимное соприкосновеніе моря и земли, — все это сообщаетъ горнымъ картинамъ южнаго берега удивительную роскошь, разнообразіе и величіе.

Но я никогда не сѣмѣю передать вамъ, читатель, того живаго впечатлѣнія, какое производитъ на душу путника полуденный берегъ Тавриды.

Какъ опишу я эту ярко позлащенную солнцемъ морскую зыбь; эту то голубую, то розовую, то подернутую парами гористую даль; эту чистую, или только слегка покрытую облаками синеву неба, все это великолѣпное освѣщеніе горъ и моря, во всякую пору дня и ночи, эти дивныя переливы въ тѣняхъ? — Взгляните на виды южнаго берега Крыма, такъ неподражаемо схваченные на полотно кистію Айвазовскаго, этаго поистинѣ великаго живописца моря, — и вы поймете тогда меня, и въ васъ невольно родится желаніе увидѣть этотъ богатоукрашенный природою край.

Географическое положеніе южнаго берега Крыма и горъ таврическихъ, почва земли въ высшей степени благоприятная для роскошной растительности юга, море, окаймленное то живописно-скалистыми, то лѣсистыми берегами и со всѣхъ сторонъ обставленное горами, представляющими естественную защиту отъ нападений съ сѣвера, — все это говоритъ ясно,

что южная часть крымскаго полуострова очень рано должна была обратитъ на себя вниманіе народовъ древности.

Не имѣя положительно точныхъ свѣдѣній о томъ, въ какое время край этотъ заселенъ былъ предприимчивыми Эллинами, мы знаемъ однако, что во времена византійскихъ императоровъ онъ принадлежалъ уже грекамъ съ-издавна, и что здѣсь находились города, крѣпости и селенія греческія, подпавшія впоследствии подъ власть мелкихъ независимыхъ князей или *топарховъ* греческаго происхожденія.

Исторія этихъ топарховъ, какъ слишкомъ частная, не могла найти себѣ мѣста ни у одного изъ извѣстныхъ историковъ и хронографовъ византійскихъ. Но тѣмъ не менѣе безъизвѣстные иноки монастырей, находившихся въ такомъ значительномъ количествѣ въ крымскихъ горахъ, записывали все замѣчательное, происходившее въ ихъ странѣ,—и записки свои передавали отъ одного другому.

Впоследствии, когда монастыри крымскіе опустѣли, вѣроятно, вследствие преслѣдованій отъ мусульманъ, и когда монахи переселились изъ нихъ въ другія обители Греціи, и особенно малой азіи; то они унесли съ собою и сказанія свои о странѣ, въ которой прежде обитали. Въ библіотекахъ монастырей малой азіи и другихъ мѣстъ Турціи, болѣе близкихъ къ Крыму, и теперь попадаются греческія рукописи, въ которыхъ заключается много чрезвычайно интересныхъ сказаній о Крымѣ и прежнихъ обитателяхъ его, византійскихъ грекахъ.

Во время поѣздки моей въ Турцію, я имѣлъ случай чрезъ знакомство съ однимъ монахомъ изъ малой азіи, читать подобную рукопись, гдѣ говорилось весьма много объ исторіи Крыма. Я нашелъ въ ней между прочимъ самое подробное описаніе жизни послѣдней греческой владѣтельницы той части

южного берега Крыма, которая простирается отъ Судака до Ялты.

Лѣтописецъ называетъ эту правительницу «*Θеодорой*», и говоритъ о ней съ восторгомъ, съ увлеченіемъ, какъ о женщинѣ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенной. Онъ упоминаетъ о рѣдкой красотѣ ея, о ея изумительной храбрости и высокомъ умѣ, о ея набожномъ и строго—христіанскомъ образѣ жизни,—весьма близкомъ впрочемъ къ аскетизму; рассказываетъ потомъ о борьбѣ ея съ генуэзцами, о томъ какъ взята была ими *Судаіа*—главный городъ въ ея владѣніяхъ, и какъ пала наконецъ, сама *Θеодора* въ битвѣ съ Кафянами, защищая крѣпость и монастырь, существовавшіе на *Кастели* (*), и составлявшіе ея любимое мѣстопробываніе. Каково-же было мое удивленіе, когда, объѣзжая южный берегъ Крыма, я нашелъ живо-сохранившимся еще и по-нынѣ въ памяти народной преданіе о *Θеодорѣ*, преданіе, во всемъ согласное съ описаніемъ жизни этой замѣчательной женщины, о которомъ я упомянулъ! Только воображеніе народное представляетъ себѣ ее не иначе какъ *святою*. Такъ рассказываютъ, что когда генуэзцы были предательски впущены въ Судакъ братомъ *Θеодоры*, (который любилъ ее, но которому она не хотѣла отдать руки своей); то она подъѣхала къ городской стѣнѣ, помолилась,—и стѣна въ одномъ мѣстѣ обрушилась сама собою, такъ что *Θеодора* могла свободно проѣхать и ускакать въ любимый монастырь свой на *Кастели*.

Преданіе о *Θеодорѣ* перешло и къ нынѣшнимъ горскимъ татарамъ;—рѣдкій изъ нихъ, особенно изъ живущихъ близъ Судака, не расскажетъ вамъ о *храброй* и *святой царицѣ*, при которой *фрэнги* завладѣли Судакомъ.

* Между нынѣшними Алуштой и Біюкъ-Іамбатомъ.

На основаніи названной мною рукописи и преданія народнаго составилъ я рассказъ свой, стараясь сколько возможно быть вѣрнымъ во всемъ своимъ источникамъ, и заботясь о томъ, чтобы, придавъ исторіи жизни Θεодоры форму повѣсти, не измѣнить въ чемъ либо главный характеръ этихъ источниковъ.

Чтобы рассказъ мой былъ болѣе яснымъ для читателей, мало знакомыхъ съ исторіею Крыма, я помѣщаю въ концѣ книги, краткій историческій очеркъ греческихъ и генуэзскихъ поселеній, существовавшихъ въ Крыму.

Гр. К.

1852.

Алушта.

I.

11-го іюля 13.. года, на канунѣ дня св. мученика Прокла, шумная, живая дѣятельность кипѣла на площадяхъ и по всѣмъ улицамъ богатаго греческаго города *Сугдаіи*.

Большой и многолюдный городъ Сугдаія былъ раскинутъ весьма картинно по скату горы и спускался къ самому морю; на востокъ отъ него стлалась прелестная долина, вся потонувшая въ роскошной зелени виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ. Много богатыхъ церквей и монастырей красовалось въ Сугдаіи, поднимая высоко свои злато-верхіе византійскіе куполы и отражая ихъ въ синевѣ волнъ; много прекрасныхъ и богатыхъ зданій видно было въ городѣ и много судовъ разноплеменныхъ стояло у пристани его.

Народъ толпился особенно на главной городской площади, посреди которой возвышался красивый соборъ, построенный цареградскими мастерами на подобіе собора софійскаго. На этой же площади стоялъ домъ, въ которомъ обыкновенно жили сугдаійскіе владѣтельные князья или топархи, и который походилъ болѣе на укрѣпленный замокъ, нежели на обыкновенное строеніе. Онъ былъ построенъ на обрывѣ высокой скалы и одною стороною своею обращенъ былъ къ морю, а дру-

гою выходилъ на площадь. Двѣ высокія башни, крѣпко сложенные, по видимому очень древней постройки и только подновленные въ позднѣйшее время, защищали замокъ съ обѣихъ сторонъ. Позади замка находился небольшой дворъ, вымощенный булыжникомъ и застроенный вокругъ зданіями, гдѣ помѣщались стража и княжескіе служители. Посреди этого двора устроенъ былъ прекрасный мраморный фонтанъ и разведенъ небольшой садъ. Замокъ со всѣхъ сторонъ обнесенъ былъ высокими стѣнами и войти въ него можно было только чрезъ большіе желѣзные ворота, такъ что онъ составлялъ главное городское укрѣпленіе; и уже отъ замка, вокругъ всего города шла большая городская стѣна, во многихъ мѣстахъ перерѣзанная зубчатыми башнями. На концѣ города, на возвышеніи, съ восточной стороны, стоялъ богатый древній монастырь, въ которомъ жилъ обыкновенно сугдайскій митрополитъ и великолѣпная церковь котораго красиво рисовалась съ моря; она первая была видна мореходцамъ, шедшимъ въ Сугдаію. Монастырь этотъ такъ-же обнесенъ былъ крѣпостною стѣною и составлялъ особое укрѣпленіе.

Въ городской стѣнѣ было двое огромныхъ, окованныхъ желѣзомъ воротъ, съ западной и восточной стороны города. Ворота эти были всегда заперты; у нихъ стояли часовые, которые отворяли ворота только въ случаѣ надобности. Предъ домомъ князя, у великолѣпнаго мраморнаго фонтана, стояло много богато-убранныхъ коней. Воины въ полномъ вооруженіи ходили взадъ и впередъ какъ-бы чего-то ожидая.

Городскіе ворота, выходившіе на западъ, были отворены—и воины и народъ въ праздничныхъ одеждахъ, кто верхомъ, кто пѣшкомъ толпами шли изъ города.

Изъ монастыря, около котораго такъ-же толпился народъ, выѣхалъ митрополитъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ.

Онъ проѣхалъ чрезъ весь городъ, сопровождаемый толпою народа, и остановился у княжескаго дома. Въ то же время выѣзжалъ со двора своего и князь, на красивомъ ворономъ бѣгунѣ.

Сугдайскій владѣтель былъ мужчина лѣтъ 45-ти, высокій ростомъ и величественной осанки, съ правильными чертами лица и строгимъ выраженіемъ. Возлѣ него ѣхала, такъ же верхомъ, жена его, женщина лѣтъ 30-ти, но еще очень красивая. Невысокая ростомъ, но стройная и прекрасно сложенная, съ чрезвычайно нѣжными правильными, чисто римскими чертами лица и черными, блестящими волосами, обрисовывавшими ея прекрасное лицо кроткаго и немного задумчиваго выраженія, женщина эта, своею удивительною красотою, невольно приковывала къ себѣ вниманіе. — За ними, на маленькихъ красивыхъ лошадакахъ, ѣхали два мальчика, оба черно-кудрые, оба черноглазые и до того похожіе одинъ на другаго, что если-бы не разноцвѣтныя платья, въ которыя они были одѣты, то ихъ трудно было-бы распознать. Дѣти, казалось, были лѣтъ 9 или 10 не болѣе, но они смѣло сидѣли на лошадахъ своихъ и свободно управляли ими. — За мальчиками слѣдовало нѣсколько почетныхъ сановниковъ города, съ своими женами и дѣтьми, всѣ въ пышныхъ праздничныхъ одеждахъ, на красивыхъ, богато-убранныхъ коняхъ.

Жена князя, ѣхавшая съ нимъ рядомъ впереди всего этого торжественнаго поѣзда, заботливо оглядывалась на слѣдовавшую за ними пожилую женщину прислужницу, сидѣвшую такъ-же на лошади, которую велъ подлѣ узды слуга. Женщина эта держала на рукахъ дѣвочку лѣтъ 3-хъ или 4-хъ, рѣдкой красоты.

Поѣздъ, тронувшись съ площади, выѣхалъ изъ городскихъ воротъ и потянулся берегомъ моря по направленію къ

Алустону. Городскіе ворота тотчасъ-же были затворены за нимъ.

Владѣтель богатой Сугдаи въ этотъ день, со всѣмъ своимъ семействомъ и со свитою, отправлялся на храмовой праздникъ въ монастырь св. Прокла, находившійся на *Кастель-горѣ*; это было одно изъ главныхъ ежегодныхъ празднествъ во владѣніяхъ сугдайскихъ и греки со всего Крыма, къ этому дню, приходили въ монастырь св. Прокла, который стоялъ на самой вершинѣ Кастель-горы и былъ весьма обширенъ.

Онъ былъ обнесенъ вокругъ крѣпостною стѣною, спускавшеюся съ восточной стороны къ самому морю; въ немъ обитало значительное число монашествующей братіи и воиновъ, составлявшихъ крѣпостную стражу; потому что монастырь этотъ въ одно и тоже время составлялъ и весьма значительную крѣпость; зависѣлъ онъ отъ сугдайскаго епископа, а настоятелемъ его, въ описываемое нами время, былъ одинъ изъ близкихъ родственниковъ князя, отличавшійся рѣдкимъ благочестіемъ, святостію жизни, благотворительностію и дивнымъ даромъ излѣчивать болѣзни.

Вотъ почему, кромѣ описаннаго поѣзда, тянувагося прибрежною дорогою отъ Сугдаи, всѣ остальные горныя дорожки, по всѣмъ направленіямъ, покрыты были толпами пѣшихъ и всадниковъ, торопившихся на церковный праздникъ въ монастырь св. Прокла.

И чудное зрѣлище представляла эта пестрая, шумная и веселая толпа народу, покрывавшая весь морской берегъ отъ Сугдаи до Алустана и всѣ извилистыя горныя дорожки! Строгія лица воиновъ, въ ихъ блестящихъ вооруженіяхъ, на красивыхъ горскихъ скакунахъ, женщины въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, съ развѣвающимися покрывалами на головахъ, толпы мужчинъ, пѣшихъ и конныхъ, въ ихъ живописномъ греческомъ